

Ф. К. Ярмолич

Кадровый состав органов цензуры
в 1950 — начале 1960-х гг.
(на материалах Ленинграда,
Карелии и Мурманской области)

В исторической литературе в основном анализируется структура и функционирование органов цензуры¹. В свою очередь, малоизученным остается кадровый аспект². Однако для более глубокого и объективного понимания работы органов Главлита необходимо изучить именно этот вопрос, поскольку человеческий фактор в процессе цензурирования играл большое значение.

В 1950–1960-е гг. руководство Главлита СССР, как и партийные функционеры, в большинстве своем осознавали, что эффективность работы контролирующих органов в целом зависит от профессиональных качеств сотрудников цензуры.

Наиболее продуктивным представляется изучение кадрового аспекта по следующему алгоритму: во-первых, количественный и культурно-образовательный анализ штатов цензуры; во-вторых, описание механизма подготовки и повышения квалификации цензоров.

Организационно региональные отделения Главлита делились на аппарат Управления и районных цензоров. Наиболее проблемным с точки зрения закрепления персонала на рабочем месте во всех трех регионах оставался именно последний уровень структуры цензурных органов, именно там имела место перманентная сменяемость сотрудников.

Это явление объясняется тем, что на районном уровне основная масса цензоров являлась совместителями. Местные органы власти рассматривали эту категорию служащих как своеобразный резерв и при необходимости переводили их на другие участки работы. Так, например, произошло в Карелии в 1954 г., когда 14 цензоров-совместителей были переведены на другие работы.

Ярмолич Фёдор

Кузьмич,

кандидат

исторических наук,

научный сотрудник,

Санкт-Петербургский

Институт истории

РАН

(Санкт-Петербург);

f.k.1985@mail.ru

Осознавая, что эффективность работы цензоров-совместителей невысока, с 1 октября 1955 г. распоряжением Совета Министров должность районных цензоров-совместителей была упразднена, а их функции в районных газетах переданы редакторам³.

Менее интенсивный, чем на районном уровне, процесс «текучести» кадрового состава существовал и в аппаратах Управлений региональных отделений Главлита. Правда, в начале 1960-х гг. в источниках не отмечается указанного явления. Например, если в мурманском отделении Главлита СССР в 1951 г. аппарат Обллита обновился на 50 %⁴, а в 1958 г. на работу в аппарат мурманского Обллита было принято два человека⁵, то в документах за 1961, 1962, 1963 г. нет сведений об увольнении и приеме на работу сотрудников. Это же тенденция была характерна и для аппаратов Управлений карельского и ленинградского Обллитов.

Наряду с этой общей тенденцией существовали и другие особенности. Так, после перевода органов цензуры под управление МВД приказом № 433 от 18 июня 1953 г. в ленинградском Обллите было уволено 12 человек⁶. В свою очередь, в Мурманске и Карелии не последовало сокращений работников цензуры.

Указанные выше причины сменяемости кадрового состава как в районах, так и в аппарате Управления можно охарактеризовать как институциональные, вместе с ними существовала и целая группа других причин. Во-первых, крайне тяжелая психологическая обстановка в коллективе, которая вынуждала сотрудников увольняться из органов цензуры. Это явление было характерно для ленинградского отделения цензуры. Так, в 1959 г. из Ленобллита перевелись на другую работу пять человек⁷. Во-вторых, — и эта причина являлась общей для всех трех регионов, — работа в органах цензуры являлась не престижной, малооплачиваемой, не предоставляла возможности людям с высшим образованием, особенно техническим, повышать свои профессиональные качества; кроме того, несомненно, ответственность, которая лежала на цензоре, была очень высока.

В этом смысле показательным является случай, произошедший в 1964 г. в Мурманске с цензором Большаковым, который был учителем. С самого начала он рассматривал свою работу в Обллите как временную, и когда появилась возможность уйти на преподавательскую должность, Большаков изъявил желание прекратить свою цензорскую деятельность⁸.

Таким образом, комплекс указанных причин осложнял стремление властных структур избавиться от перманентной сменяемости кадрового состава. Хотя в начале 1960-х гг. в определенной степени им удалось этого добиться. Анализ механизма достижения этой цели требует дальнейших исследований и на данный момент не может быть описан.

Другая не менее острая проблема, которую стремилось решить руководство всех региональных отделений Главлита СССР, заключалась в низком культурно-образовательном уровне сотрудников.

В приведенной ниже таблице даются данные по двум регионам. К сожалению, на данный момент предоставить соответствующие систематизированные данные по Карелии не представляется возможным, так как по этому региону имеются неполные сведения об образовательном уровне сотрудников.

Образовательный уровень сотрудников цензуры⁹

Ленобллит				
Год	Высшее	Незаконченное высшее	Среднее	Неполное среднее / начальное
1950	7	6	20	8
1951	6	6	22	9
1953	36	27		2
1957	30	26		3
1961	32	24		3

Муробллит				
Год	Высшее	Незаконченное высшее	Среднее	Неполное среднее / начальное
1950	1	—	2	3
1953	2	4	5	5
1958	2	2	5	2
1960	1	2	5	2

Табличные данные показывают, что с течением времени образовательный уровень в ленинградском отделении Главлита СССР неуклонно повышался, при этом увеличивалось число сотрудников с высшим образованием, более того, имелись даже кандидаты наук. В Мурманске образовательный уровень тоже повышался, но за счет людей, имеющих среднее образование.

Отдельного комментария требуют табличные данные по мурманскому Обллиту относительно сотрудников, имеющих высшее образование. Во-первых, как правило, высшее

образование было получено в партийных учебных заведениях. Так, например, в 1950 г. начальник мурманского Обллита Н. К. Романов закончил высшую партийную школу при ЦК ВКП(б), в графе «специальность по образованию» поставлен прочерк. Его заместитель Е. А. Зимичева в 1950/1951 гг. училась на первом курсе в вечернем университете марксизма-ленинизма¹⁰.

После увольнения в 1951 г. Н. К. Романова с должности начальника, людей с высшим образованием не было, а его обязанности стала исполнять Е. А. Зимичева (к тому времени обучавшаяся на втором курсе). Ее заместителем стала А. Ф. Подрезова (в то время заочно училась на третьем курсе Мурманского учительского института)¹¹. В 1953 г. А. Ф. Подрезова уволилась по собственному желанию.

Во-вторых, весьма узкий круг лиц с высшим образованием в составе мурманского Обллита приводил к тому, что при переходе сотрудника на другую работу цензурные органы оставались без людей, имеющих высшее образование. Например, такое явление было характерно для 1954 г., когда после увольнения цензора с вузовским дипломом специалистов с законченным высшим образованием не оказалось¹².

В 1950-е — начале 1960-х гг. в СССР активным образом развиваются технические науки, происходит внедрение технологических новшеств в промышленность. Это обстоятельство предъявляло органам контроля новые требования: для эффективного контроля необходимы были работники именно с высшим техническим образованием.

Во всех трех регионах, несмотря на систематические просьбы руководства региональных отделений Главлита СССР, так и не удалось набрать необходимого числа специалистов с соответствующей технической квалификацией.

Так, например, руководство Леноблгорлита неоднократно запрашивало у вышестоящих инстанций специалистов по судостроению, машиностроению, геологии, физике, химии, строительству и механизации¹³. Однако им смогли выделить в 1957 г. только одного сотрудника (Юричёва И. Г.) с высшим техническим образованием, который окончил Ленинградский кораблестроительный институт.

В этом же году руководство ленинградской цензуры повторно обратилось в Главлит СССР с просьбой о подборе четырех специалистов с высшим техническим образованием¹⁴. Но их просьба осталась без ответа и к началу 1960-х гг.

Однако, несмотря на эту проблему, с органов цензуры никто не снимал обязанности контролировать техническую литературу. Поэтому имеющейся дефицит специалистов с техническим образованием решали в рамках тех возможностей, которыми располагали.

В ленинградском отделении цензуры в 1960-е гг. контролировать техническую литературу разрешалось сотрудникам с гуманитарным образованием, но имеющим большой стаж работы в органах цензуры.

Причин недостатка сотрудников с техническим образованием в цензурной системе несколько. Во-первых, большая часть выпусков ВТУЗов через систему распределения сразу же попадала на заводы. По этой причине дипломированных специалистов с техническим образованием оставалось очень мало. Во-вторых, как уже отмечалось выше, молодые специалисты, имеющие высшее техническое образование, уходили с цензурской работы, так как зарплаты были невысоки, отсутствовала возможность для повышения своих профессиональных навыков и умений¹⁵.

В источниках отмечается и вторая проблема, характерная для органов цензуры — низкий общекультурный уровень. Однако эта особенность в меньшей степени была характерна для ленинградских цензоров, но с большей остротой проявилась в мурманском и карельском отделениях Главлита СССР.

Так, в 1959 г. на одном из заседаний партсобрания цензор Сидорова заявила, что работникам цензуры необходимо расширять свой кругозор. Для этого она призвала своих коллег читать художественную, политическую литературу и периодическую печать¹⁶.

В целом, вопрос культурного уровня цензурского состава весьма интересен и требует дальнейшего детального исследования. К сожалению, источников, по которым можно полно и всесторонне изучить этот аспект, пока не обнаружено. Вышеизложенные утверждения основываются на документах, в которых информация по общекультурному уровню цензурского состава весьма скудна или же выражает точку зрения конкретного сотрудника. К этим видам источников относятся достаточно сильно формализованные годовые отчеты Управлений и протокольные записи партийных собраний.

Усилившаяся интенсивность информационного потока, его многоаспектность в 1950-е — начале 1960-х гг. значительно усложняли работу цензора. С каждым годом контролировать каналы массовой коммуникации становилось все сложнее, поскольку перед работниками органов Главлита стояла грандиозная задача: из огромного числа сообщений в средствах массовой информации быстро выявить и изолировать запрещенную для распространения информацию.

Указанные выше трудности в подборе персонала, безусловно, усложняли выполнение данной задачи. Но даже если бы органам цензуры удалось принять на работу специалистов с техническим профилем, это не решило бы проблемы окончательно.

В новых информационных условиях, в которых оказались цензоры, одним из важнейших факторов качественной работы являлась оперативность (практически доведенная до автоматизма) применения знания о запрещенной к распространению информации на реальном материале.

В этих обстоятельствах ключевым фактором становится система подготовки новых сотрудников и постоянное повышение квалификации у работающего персонала. Скорее всего, этим и объясняется довольно активное развитие цензурской учебы в послевоенное время.

Более того, цензурное руководство с помощью перманентных занятий стремилось снизить нехватку сотрудников с высшим техническим образованием.

Становясь цензором, новый сотрудник был обязан изучить довольно объемный пласт документов, в которых содержалась информация, отражающая ограничения в военно-экономической, технической и политико-идеологической сферах. Более того, этот обширный материал не являлся статичным. В зависимости от политических изменений, экономического развития страны он уточнялся и дополнялся.

Основополагающими документами цензурирования являлись так называемые перечни: «Перечень сведений, составляющих военную и государственную тайну в печати», «Перечни сведений, запрещённых к опубликованию в открытой печати, переданных по радио и телевидению», «Перечень для районных газет».

Наряду с ними существовали как нормативно-правовые документы — «Единые правила», «Инструкция по цензорскому контролю», «Обязательные правила цензуры», «Сводные указания», «Инструкции цензора», — так и комплексы документов, созданные для решения конкретных вопросов, например, инструкции по очищению книжных фондов по Министерствам и ведомствам, приказы, циркулярные указания Главлита СССР, информационные письма и т. д.

Перечисление документов дает представление о масштабе информации, которой обязан был владеть сотрудник Главлита СССР; наряду с этим, он должен был знать основные труды идеологов советского государства, новейшие достижения науки и техники СССР, ориентироваться во внешнеполитическом курсе страны, представлять основные закономерности развития экономики в Советского Союза и административно-территориального образования, где он работает. Поэтому система обучения цензоров становилась «краеугольным камнем» в достижении качественной работы.

Предполагалось, что у каждого цензора имелся план индивидуальной работы на каждый квартал, по которому в течение определенного срока он совершенствовал и закреплял свои знания в области нормативно-правовых документов, углублял свои познания в политико-идеологической сфере и повышал общеобразовательный уровень. Наряду с индивидуальными планами, существовал и общий план учебы всего регионального отделения Главлита СССР.

В системе повышения квалификации работников цензуры можно выделить ряд уровней. Во-первых, проводились занятия, на которых обсуждались политические, общественные вопросы. Во-вторых, специалистами для сотрудников цензуры читались лекции; так, в 1956 г. тематика их была следующей: полезные ископаемые Карелии и их промышленное значение, перспективы развития КАССР в шестой пятилетке, основные фонды и производственные мощности социалистических промышленных предприятий, основная экономическая задача СССР, атомное оружие и противоатомная защита¹⁷.

Лекционными занятиями и экскурсиями были охвачены и ленинградские цензоры. Для них читались лекции по внешней и внутренней политике СССР, развитию техники и т. д.; регулярно проводились экскурсии на заводы города и области, например, в 1960 г. цензоры посетили заводы «Электрик» (экскурсия была посвящена плазменной резке металлов) и «Адмиралтейский», Пулковскую обсерваторию, где сотрудников ленинградского отделения Главлита познакомили с новыми астрономическими приборами¹⁸.

Наряду с лекциями проводились и беседы с работниками из различных сфер народного хозяйства. Например, карельские цензоры встречались с заместителем начальника Управления связи т. Сойтонен по вопросам работы средств связи и заместителем начальника Управления Кировской железной дороги т. Захаровым по вопросу работы железнодорожного транспорта.

Вместе с этим, цензоры писали рефераты на разные темы, проводили консультации с экспертами и рецензентами институтов Академии наук СССР, Ленинградского государственного университета и научно-исследовательских институтов¹⁹. Более того, на партийных собраниях обсуждалась возможность помощи работникам цензуры в написании диссертаций.

Работники цензуры повышали свой образовательный уровень и в учебных заведениях. Так, т. Черкасов обучался на семинаре партактива при Обкоме КПСС по изучению экономики социалистических промышленных предприятий; т. Михельсон и Канноев — посещали семинар по изучению политэкономии при Петрозаводском Горкоме КПСС²⁰.

Существовала и система стажировок. Например, сотрудники карельской цензуры отправлялись в Москву или другие крупные центры для повышения квалификации²¹.

Существовали и коллективные семинарские занятия, на которых присутствовали цензоры нескольких регионов. Один из таких семинаров, организованный Главлитом СССР, проходил 15 мая 1950 г. в Риге, где присутствовали работники Главкрайобллитов: Латвийской, Литовской, Эстонской, Карело-Финской ССР, Ленинградской, Псковской, Новгородской и Великолукской областей²². По возвращении из командировки участница семинара Крючкова подготовила доклад для сотрудников Главлита Карело-Финской ССР²³.

Организация учебы с районными цензорами имела свою специфику, которую необходимо было учитывать. Проверяющим цензорам недостаточно было приехать в район, осмотреть и проконсультировать работников — это имело, как правило, довольно низкий результат. Для более эффективной работы необходимо было заранее предупредить районных цензоров, либо лиц, выполняющих их функции, о приезде представителей аппарата Управления, чтобы районные цензоры подготовили вопросы²⁴.

Вместе с выездом сотрудников аппарат Главлита КАССР практиковал созыв редакторов районных газет в обкоме КПСС для анализа допущенных нарушений и проведения подробного инструктажа по ограничениям «Перечня» для районных газет, на этих же совещаниях давались и ответы на вопросы редакторов по ведению цензурной практики²⁵.

Значительный объем нормативно-правовых документов, политико-идеологической, экономической и справочной литературы сильно затруднял нахождение в них нужной на данный момент для цензора информации, поэтому в соответствии с письмом Главлита СССР № 219с от 23 октября 1959 г., для облегчения поиска необходимых сведений была создана справочная служба. В Карелии в этой структуре работало по совместительству три цензора: старший цензор тов. Михельсон и цензоры тов. Киуру и тов. Жукова. Библиотека созданной структуры состояла из энциклопедий, словарей, алфавитных указателей, справочников, карт и т. д.; в общей сложности, в 1960 г. ее фонд состоял более чем из 30 наименований разнообразной справочной литературы²⁶.

Однако к 1963 г. внимание к этой службе со стороны цензоров несколько ослабло, и ее работа стала вызывать нарекания; например, картотека в справочной службе не учитывала изменений в «Перечне»²⁷. А справочным материалом, по утверждению цензора Михельсона, сотрудники пользовались мало²⁸.

Разумеется, описанная в общих чертах система подготовки цензоров имела недостатки. Во-первых, самоподготовка у сотрудников цензурного ведомства была поставлена на недостаточно высокий уровень и требовала улучшения. На этот факт обратила внимание цензор Главлита Карело-Финской ССР Крючкова в январе 1956 г.²⁹, а в феврале 1956 г. Главлит СССР указал руководству Главлита Карело-Финской ССР, что его сотрудники плохо знают руководящие цензурные документы³⁰.

Через год, в 1957 г., центральные органы цензуры в Москве обращали внимание Управления Главлита КАССР, что оно уделяет мало внимания вопросам повышения общеобразовательного уровня цензоров. Более того, акцентировалось внимание на том, что люди с недостаточным образовательным уровнем не обучаются в вечерних или заочных учебных заведениях. При этом отмечалось, что руководство должно оказать помощь в устройстве работников в учебные заведения³¹.

Во-вторых, как отмечало в годовых отчетах руководство региональных отделений цензуры, недостаточно хорошо были подготовлены лекции, читаемые специалистами для сотрудников цензуры; их связь с экономическим развитием региона была непрочной; возможность применения полученной на занятиях информации в действительной работе цензоров была весьма ограничена³². Однако следует оговориться, что заключение о качестве лекционного материала делается только на основе документов органов Главлита, для объективной характеристики учебного материала необходимо привлекать мнение лектора и непосредственно текст лекционного занятия, и только тогда можно объективно судить о содержательной стороне лекционного занятия.

Помимо вышеуказанных проблем, у ряда работников отмечался формализм в написании рефератов и решении задач. Контроль за самостоятельно занимающимися цензорами был организован плохо; ряд сотрудников не посещали лекций по экономике ленинградс-

кого экономического района³³. Однако, несмотря на формализм в учебе, который имел место у работников цензуры, недостаточно хорошо разработанный лекционный материал и другие недостатки, присущие системе подготовки цензоров, она в целом выполняла свою главную функцию — оперативно включить нового работника в процесс цензурирования. Более того, она в определенной степени смогла снизить остроту дефицита работников с высшим техническим образованием.

Таким образом, в тех условиях, в которых оказались органы Главлита, система подготовки кадрового состава смогла в целом решить задачи, которые ставились директивными органами перед цензорами.

¹ См.: *Горяева Т. М.* Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг. М., 2009; *Жирков Г. В.* История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001; и др.

² Об этом см. монографию, в которой кадровый вопрос стал предметом специального исследования: *Дианов С. А.* Уральская цензура в лицах. Политическая цензура на Урале в 1920–1930-е гг. Пермь, 2011. — На материалах Ленинграда кадровый вопрос довольно поверхностно рассмотрен в монографии: *Блюм А. В.* Как это делалось в Ленинграде. Цензура в годы оттепели, застоя и перестройки (1953–1991). СПб., 2005. С. 25–30.

³ Отчет о работе Главного Управления по охране военных и государственных тайн в печати при СМ КФСР за 1955 год // Национальный архив республики Карелия (далее — НАРК). Ф. Р–24. Оп. 8. Д. 14. Л. 9–11.

⁴ Отчет о работе мурманского Обллита за 1951 г. // Государственный архив Мурманской области (далее — ГАМО). Ф. Р–573. Оп. 3. Д. 45. Л. 7.

⁵ Отчет мурманского Управления по охране военных и государственных тайн в печати при облисполкоме за 1958 г. // ГАМО. Ф. Р–573. Оп. 3. Д. 74. Л. 68.

⁶ Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (далее — ЦГАЛИ СПб). Ф. 359. Оп. 1. Д. 37. Л. 10.

⁷ Протокол № 10 расширенного заседания партбюро Ленобллита от 19 декабря 1959 г. // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее — ЦГА ИПД СПб). Ф. 1669. Оп. 6. Д. 11. Л. 73. — Похожее мнение высказал и другой участник заседания, Н. П. Зорин.

⁸ Протокол № 4 закрытого партийного собрания парторганизации Обллита от 14 июля 1964 г. // ГАМО. Ф. П–211. Оп. 1. Д. 7. Л. 44–46.

⁹ Таблицы составлены на основе годовых отчетов ленинградского и мурманского отделений Главлита СССР, которые хранятся в архивах ЦГАЛИ СПб (Ф. 359) и ГАМО (Ф. Р–573).

¹⁰ Письмо начальника Мурманского Обллита Е. Зимичевой от 26 марта 1952 г. // ГАМО. Ф. Р–573. Оп. 3. Д. 37. Л. 18, 19.

¹¹ Там же. Д. 45. Л. 24.

¹² Зам. начальника Главного Управления по охране военных и государственных тайн в печати при Совете Министров СССР Исаченко от начальника мурманского Обллита Зорина от 12 января 1954 г. // Там же. Д. 59. Л. 81.

¹³ Отчет о работе Управления по делам литературы и издательств по городу Ленинграду и Ленинградской области // ЦГАЛИ СПб. Ф. 359. Оп. 1. Д. 36. Л. 13.

¹⁴ Отчет о работе Управления по охране военных и государственных тайн в печати при Леноблисполкоме за 1957 год // Там же. Д. 56. Л. 7.

¹⁵ Протокол № 12 партийного собрания парторганизации Ленобллита от 29 февраля 1960 г. // ЦГА ИПД СПб. Ф. 1669. Оп. 6. Д. 13. Л. 12, 13.

¹⁶ Протокол № 6 партийного собрания при мурманском Обллите от 28 сентября 1959 г. // ГАМО. Ф. П-211. Оп. 1. Д. 2. Л. 12.

¹⁷ Отчет о работе Управления по охране военных и государственных тайн в печати при Совете Министров Карельской АССР за 1957 г. // НАРК. Ф. Р-757. Оп. 4. Д. 4. Л. 2.

¹⁸ Начальнику Главлита СССР тов. Романову П. К. от начальника Ленобллита Арсеньева Ю. от 3 октября 1960 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. 359. Оп. 1. Д. 71. Л. 3.

¹⁹ Начальнику Главлита СССР тов. Романову П. К. от начальника Ленобллита Арсеньева Ю. от 3 октября 1960 г. // Там же. Л. 4.

²⁰ Отчет о работе Управления по охране военных и государственных тайн в печати при Совете Министров Карельской АССР за 1957 г. // НАРК. Ф. Р-757. Оп. 4. Св. 1. Д. 4. Л. 2.

²¹ Отчет о работе Управления по охране военных и государственных тайн в печати при Совете Министров Карельской АССР // НАРК. Ф. Р-757. Оп. 5. Д. 6. Л. 6.

²² Письмо № 2683 от 27 апреля 1950 г. начальнику Главлита КФССР тов. Хилиль В. И. от зам. Уполномоченного СМ СССР по охране военных и государственных тайн в печати И. Исаченко // НАРК. Ф. Р-24. Оп. 1. Д. 57. Л. 42.

²³ Протокол № 5 производственного совещания цензоров Главлита КФССР от 15 июня 1950 года // Там же. Д. 62. Л. 6.

²⁴ Протокол № 11 производственного совещания цензорского состава Главного управления по охране военных и государственных тайн в печати при Совете Министров КФССР от 23 мая 1956 г. // НАРК. Ф. Р-757. Оп. 4. Д. 1. Л. 15.

²⁵ Отчет о работе Управления по охране военных и государственных тайн в печати при Совете Министров КАСР за 1956 г. // Там же. Д. 2. Л. 5.

²⁶ Отчет о работе Управления по охране военных и государственных тайн в печати при Совете Министров Карельской АССР за 1960 год // Там же. Д. 11. Л. 11.

²⁷ Протокол № 2 цензорского совещания Управления по охране военных и государственных тайн в печати при СМ КАСР от 16 января 1963 г. // Там же. Д. 17. Л. 2, 3.

²⁸ Протокол № 13 цензорского совещания Управления по охране военных и государственных тайн в печати при СМ КАСР от 21 июня 1963 года // Там же. Д. 17. Л. 37.

²⁹ Протокол № 1 производственного совещания цензорского состава Главного Управления по охране военных и государственных тайн в печати при Совете Министров Карело-Финской СССР от 13 января 1956 г. // Там же. Д. 1. Л. 1.

³⁰ Протокол № 4 производственного совещания цензорского состава Главного управления по охране военных и государственных тайн в печати при Совете Министров КФССР от 18 февраля 1956 г. // Там же. Л. 5.

³¹ Начальнику Управления по охране военных и государственных тайн в печати при Совете Министров КАСР тов. Черкасову А. В. от начальника 8 отдела П. Плукш от 6 февраля 1957 г. // Там же. Д. 2. Л. 16.

³² Отчет о работе Управления по охране военных и государственных тайн в печати при Совете Министров КАСР за 1956 г. // Там же. Л. 10.

³³ Протокол № 11 закрытого партийного собрания парторганизации Ленобллита от 29 апреля 1958 г. // ЦГА ИПД СПб. Ф. 1669. Оп. 6. Д. 7. Л. 23.

Yarmolich F. K. The Personnel Structure of Censorship Bodies in the 1950s — early 1960s (on the data of Leningrad, Karelia and Murmansk region).

ABSTRACT: The article analyses the personnel changes which occurred in censorship bodies in the 1950s — early 1960s on the data of Leningrad, Karelia and Murmansk region. It demonstrates the dynamics of changes in the staff member lists of censorship bodies, examines the cultural and educational level of censors, investigates the system of training and professional development of the Glavlit employees.

KEYWORDS: Soviet censorship, cultural and educational level, censors on the staff, non-staff censors, the training system of censorship employees.

AUTHOR: Ph.D. in history, research worker, Saint-Petersburg History Institute of Russian Sciences Academy; f.k.1985@mail.ru

REFERENCES:

- ¹ *Goryaeva T. M. Politicheskaya cenzura v SSSR. 1917–1991 gg.* Moscow, 2009.
- ² *Zhirkov G. V. Istoriya cenzury v Rossii XIX–XX vv.* Moscow, 2001.
- ³ *Dianov S. A. Ural'skaya cenzura v licax. Politicheskaya cenzura na Urale v 1920–1930-e gg.* Perm, 2011.
- ⁴ *Blyum A. V. Kak e`to delalos` v Leningrade. Cenzura v gody' ottepeli, zastoya i perestrojki (1953–1991).* St. Petersburg, 2005.
- ⁵ Karelia Republic Archive.
- ⁶ Murmansk region State Archive.
- ⁷ Saint-Petersburg State Archive of Literature and Arts.
- ⁸ Saint-Petersburg Central State Archive of historical and political documents.